

**П.В. Мультигули,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории
и исторического архивоведения
МГИК**

В схватке с революционным террором. 1905-1907 гг.

Непредвзятое изучение личности Императора Николая II убеждает нас в том, что он прекрасно осознавал главные проблемы и задачи, стоявшие перед Россией, и адекватно реагировал на вызовы эпохи. Он был не только сторонником коренных преобразований в экономике, образовании, здравоохранении, но и являлся их организатором и главным проводником. Но при этом Государь был категорическим противником таких преобразований, которые бы сломали и уничтожили вековую основу России — православную самодержавную монархию, являвшуюся гарантом суверенитета русского народа и, в том числе, реформ по модернизации и индустриализации России. Их Николай II хотел осуществлять исключительно на «русских вековых началах». Царь хотел отстоять самобытность России, модернизируя и реформируя ее, общество хотело революционизировать ее, превратив во Францию или Швейцарию. В.В. Розанов точно заметил, что *«мы умираем от единственной и основательной причины: неуважения себя. Мы, собственно, самоубиваемся»*. Общество любило Россию вымышленную, созданную в ее горячечных «снах Веры Павловны». Государь же любил Россию реальную, вековую, традиционную — Россию Христа.

На рубеже XIX-XX столетий Император Николай II испытывал острую нехватку нужных для реформ профессиональных кадров. Причем дело было в первую очередь не в талантах тех или иных сановников, а в их духовной чуждости того, что делал Царь и в чем заключалось само бытие самодержавной православной России. Тем не менее, Николай II находил и выдвигал на высшие государственные должности наиболее способных людей: Д.С. Сипягин, Н.П. Боголепов, В.К. фон Плеве, П.А. Столыпин, В.Н.

Коковцов — все это были выдвигенцы Императора Николая II. Эта, говоря современным языком, «команда» вполне могла вывести Россию в ранг сверхдержавы уже к 1910 г., если бы против нее общество и революционеры не вели беспощадную войну. Большая часть из членов этой «команды» Николая II была убита революционным террором.

В 1905-1907 гг. революционеры развернули против верных Царю чиновников кровавый террор. В годы революции от рук боевиков были убиты: Великий князь Сергей Александрович, московский градоначальник граф П.П. Шувалов, генерал-адъютант В.В. Сахаров, тамбовский вице-губернатор Н.Е. Богданович; начальник Пензенского гарнизона генерал-лейтенант В.Я. Лисовский, начальник штаба Кавказского военного округа генерал-майор Ф.Ф. Грязнов, тверской губернатор П.А. Слепцов, петербургский градоначальник В.Ф. фон дер Лауниц, командующий Черноморским флотом вице-адмирал Н.Е. Чухнин, самарский губернатор И.Л. Блок, пензенский губернатор С.А. Хвостов, симбирский генерал-губернатор генерал-майор К.С. Старынкевич, главный военный прокурор В.П. Павлов; в 1907 г. — пензенский губернатор С.В. Александровский, генерал-губернатор генерал-майор К.А. Карангозов, начальник Главного тюремного управления А.М. Максимовский. Всего с 1901 по 1911 гг. жертвами революционного террора стали около 17 тыс. чел. (из них 9 тысяч приходится непосредственно на период революции 1905-1907 гг.). По данным полиции, только с февраля 1905 г. по май 1906 г. было убито: генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников — 8, вице-губернаторов и советников губернских правлений — 5, полицеймейстеров, уездных начальников и исправников — 21, жандармских офицеров — 8, генералов (строевых) — 4, приставов и их помощников — 79, околоточных надзирателей — 125, городских — 346, урядников — 57, стражников — 257, жандармских нижних чинов — 55, агентов охраны — 18, гражданских чинов — 85, духовных лиц — 12, сельских властей — 52, землевладельцев — 51,

фабрикантов и старших служащих на фабриках — 54, банкиров и крупных торговцев — 29.

В 1905 г. Николаю II в разгар внешней войны пришлось столкнуться с внутренним врагом, ставившим своей целью уничтожение существующего строя путём открытого вооружённого мятежа и массового террора. В России накануне 1905 г., конечно, были острые социально-экономические проблемы, усугубленные начальным периодом индустриализации экономики. Но не они стали причинами смуты, захлестнувшей всю страну. Одной из главных причин революции 1905-1907 гг. стал страх западных финансово-промышленных кругов, прежде всего англо-американских, перед угрозой превращения России в энергетическую сверхдержаву. Из-за границы - Англии, США, Японии, террористам и революционерам шло оружие, боеприпасы, запрещенная агитационная литература. В революции была заинтересована и либеральная российская оппозиция, объединившаяся в земском «конституционном» движении. Ее целью было свержение Самодержавия и введение в стране парламентаризма. К полному уничтожению монархического государственного строя стремились революционные партии, наиболее активной из которых в начале XX в. была партия социалистов-революционеров (эсеров). Ее главным методом был террор.

Первым эсеровским терактом стало убийство 14 февраля 1901 г. министра народного просвещения Н.П. Боголепова. 2 апреля 1902 г. эсеровский боевик, недоучившийся студент Киевского университета С. Балмашёв, убил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Начиная с 1902—1903 гг. была создана и стала действовать Боевая организация (БО) партии эсеров, которую возглавил провизор Г.А. Гершуни. Один из руководителей БО Б.В. Савинков свидетельствовал, *«что на русскую революцию поступило пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем, американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа»*. 2 апреля 1902 г. в Мариинском дворце эсеры убили министра

внутренних дел Д.С. Сипягина. 29 июля 1902 г. член БО столяр Фома Качура стрелял отравленными стрихнином пулями в харьковского губернатора князя И.М. Оболенского. При покушении был ранен начальник городской полиции. 6 мая 1903 г. эсер Егор Дулебов убил уфимского губернатора Н.М. Богдановича.

4 апреля 1902 г. Государь назначил на должность министра внутренних дел действительного тайного советника В.К. фон Плеве, который изложил Государю своё видение ситуации: постоянный рост революционного движения есть ложь, русский народ предан престолу, недовольство среди отдельных групп населения вызвано подстрекательством кучки злонамеренных лиц, которых надо обезвредить. Для этого надо качественно усилить полицию, обновить методы ее работы, расширить полномочия, увеличить финансирование. Все преступные выходки социалистов, считал В.К. Плеве, совершаются по приказу зарубежных финансовых воротил, ищущих в России дешевую сырьевую базу. Нужно повысить качество и работу агентуры за границей. Император Николай II предоставил В.К. Плеве широкие полномочия. Большое внимание было уделено заграничной агентуре, управляющим которой был назначен Л.А. Ратаев. Николай II нашёл в лице Плеве верного человека и сильного администратора, про которого даже политические противники говорили: *«Он искренне и глубоко любил Россию, глубоко задумывался над ее судьбами, сознавал всю тяжесть того кризиса, который она переживала, и добросовестно стремился найти выход из него»*.

15 июля 1904 г. министр внутренних дел В.К. Плеве выехал на Варшавский вокзал в Царское Село для доклада Государю. Когда карета министра поравнялась с площадью Варшавского вокзала, эсеровский боевик Е. Созонов бросил бомбу в карету Плеве, от взрыва которой тот был убит на месте. Николай II был потрясен убийством В.К. Плеве, в лице которого он *«потерял друга и незаменимого министра внутренних дел»*.

Убийство В.К. Плеве было очередным звеном в цепи политических терактов, которые подготавливала так называемая «партия» социалистов-революционеров.

Первые дни января 1905 г. начались в обстановке тревожной нестабильности. В Баку уже почти месяц шла всеобщая забастовка, которая наносила сильный урон русской нефтедобыче. 4 января она закончилась, но до Государя дошли сведения о готовящихся массовых беспорядках в Петербурге.

Утром 6 января 1905 г. Император Николай II принял участие в праздничном богослужении в Зимнем дворце в честь праздника Крещения Господня. По вековой традиции после праздничного богослужения Царь присутствовал при торжественном чине освящения воды. Через специальный Иорданский подъезд Зимнего дворца Николай II в сопровождении духовенства и свиты проследовал «на Иордань» к Неве, во льду которой пробивалась специальная крестообразная полынья, а на самой набережной водружался царский шатёр. Водосвятие в присутствии Государя сопровождалось артиллерийским салютом с бастиона Петропавловской крепости и Стрелки Василевского острова. Прозвучал он и 6 января 1905 г., в тот момент, когда митрополит Антоний (Вадковский) совершал водосвятие. Но *«непостижимым образом в одном из холостых зарядов оказалось несколько патронов с пулями старого образца, которые перелетели Неву, осыпали часть Иордани, коробку подъезда и колонны Зимнего дворца, оставив на них заметные следы»*. Присутствующий на водосвятии камерпаж А.И. Верховский, стоявший непосредственно за спиной Государя, вспоминал, что, когда раздались залпы артиллерийского салюта, *«почти одновременно в окнах дворца послышался звон битого стекла, довольно сильный треск в куполе беседки, и к ногам Царя упал довольно крупный обломок дерева»*. Николай II был на волосок от смерти: перебитое пулей знамя Морского корпуса находилось прямо за его спиной. Однако Царь сохранил полное хладнокровие и, отказавшись, как ему советовали,

удалиться во дворец, достоял молебен до конца и вернулся вместе с крестным ходом. А.И. Верховский отмечал, что ему стало *«страшно жутко»* за Государя. *«Салют в 101 выстрел не прерывался, и каждую минуту можно было ждать новых попаданий. Но всё обошлось благополучно».*

Камер-фурьерский журнал сразу определил происшедшее как *«несчастный случай»*, к этому же склонялось и официальное расследование. Правда, многие в этом сомневались. Л.А. Тихомиров в своём дневнике 8 января 1905 г. писал: *«Все военные единогласно высказываются, что события 6 января явное покушение, и что никакой такой случайности не могло быть».* Похоже, что сам Государь также склонялся к мысли об умышленном характере залпа, горько заметив сразу после выстрелов: *«Моя же батарея, меня и расстреливает. Только плохо стреляет».* Косвенным доказательством того, что Государь не воспринимал происшедшее как *«несчастный случай»*, служит то, что сразу же после *«случайного»* залпа Царская Семья переехала на постоянное место жительства в Царскосельский Александровский дворец, расположенный в 20 верстах от Петербурга.

События 9 января 1905 г. в Петербурге вошли в историю под названием *«Кровавого воскресенья».* Этот термин придумал английский журналист Э.Дж. Диллон, в 1905 г. работавший постоянным корреспондентом *«Daily Telegraph».* Невозможность *«мирного»* свержения Императора Николая II путём навязывания ему всякого рода *«конституционных»* проектов, привела антицарскую оппозицию к неизбежности физического устранения Царя и установления в России парламентского строя. Совершить это было решено с помощью всеобщей смуты, которая должна была начаться с провокации, сценарий которой прорабатывался ещё в марте 1904 г. Главной движущей силой этой провокации должно было стать *«Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга»*, во главе которого стоял священник Г.А. Гапон.

Объективный анализ событий как самого 9 января, так и предшествующих ему, приводит к выводу, что, помимо революционных группировок и их

заграничных спонсоров, в подобном сценарии были заинтересованы и влиятельные силы петербургских верхов. Прежде всего, это касается С.Ю. Витте и П.Д. Святополка-Мирского. В письме В.Л. Бурцеву в 1906 г. С.В. Зубатов признавал: *«Трепов, князь Святополк-Мирский, граф Витте явились первоисточниками переживаемого движения»*. И.И. Колышко уверял, что С.Ю. Витте через чиновника для особых поручений Департамента полиции И.Ф. Манасевича-Мануйлова установил с Гапоном тесные контакты. Гапоном была выдвинута идея петиции к Царю, передать которую надлежало посредством огромного шествия рабочих Петербурга к Зимнему дворцу. Её написание «совпало» с появлением на Путиловском заводе в качестве руководителя инструментальной мастерской П.М. Рутенберга, члена эсеровского ЦК и близкого товарища Савинкова, который быстро сумел навязаться Гапону в ближайшие советники. Изначально существовало две петиции: одна, написанная Гапоном, была выдержана в «верноподданническом» стиле, вторая, написанная группой Рутенберга, — в революционном. Начавшись как православно-монархическое, шествие должно было закончиться столкновением с властью, в ходе которого со стороны рабочих были бы неминуемы жертвы. Результатом всего этого должно было стать всеобщее восстание, вождём которого был бы Гапон, а главной движущей силой — партия эсеров.

События развивались быстро и организовано: 3 января прекратили работу рабочие Путиловского завода, 4 января—Франко-Русского и Судостроительного. Главной силой забастовок было гапоновское «Собрание». 6 января Гапон призвал рабочих пойти с петицией к Царю, но скрыл от них её революционное содержание. Внесение в петицию политической составляющей произошло после совещания Гапона с представителями эсеров и социал-демократов. В окончательном виде текст петиции представлял собой политическую прокламацию самого радикального содержания: немедленный созыв Учредительного собрания, отделение Церкви от Государства, прекращение войны и т.д. Между тем

Гапон продолжал усыплять бдительность рабочих, скрывая от них свои истинные намерения. Вечером 8 января он говорил эсерам: *«Завтра идём, но не выставляйте ваших красных флагов, чтобы не придавать нашей демонстрации революционного характера. Когда я пойду в Зимний дворец, я возьму с собой два флага, один белый, другой красный. Если Государь примет депутацию, то я возведу об этом белым флагом, а если не примет, то красным, и тогда вы можете выкинуть свои красные флаги и поступайте, как найдёте нужным»*. Таким образом, по замыслу Гапона и революционеров, рабочие должны были стать массовой в преступном спектакле. Между тем власти продолжали пребывать в бездействии. Вечером 7 января под председательством командира I-го Гвардейского корпуса генерал-адъютанта князя С.И. Васильчикова состоялось совещание *«о совместном действии полиции и воинских частей»*. В Петербург спешно были введены батальоны пехотных и кавалерийских полков Гвардии и армии. Однако войск и полиции было явно недостаточно для сдерживания толп таких масштабов. По подсчётам большевика В.Д. Бонч-Бруевича, в войсках Петербургского гарнизона, призванных в город, находилось около 30 828 человек. В шествие же приняло участие свыше 200 тыс. рабочих! Никакого приказа стрелять в рабочих не было. В конце совещания Мирский заявил, что, так как Государя в столице нет, то надо просто заблаговременно сообщить об этом рабочим, и все движение будет остановлено. Вечером 8 января Рутенберг изложил план действий: строить баррикады, громить оружейные магазины и пытаться прорваться к Зимнему дворцу. Были сформированы отряды эсеровских боевиков, которым было роздано оружие.

Поздно вечером 8 января в Царское Село прибыл министр внутренних дел. В докладе Государю он всячески пытался представить ситуацию в Петербурге как не стоящую внимания. Вместо того, чтобы просить Царя о срочной санкции на решительные действия, Святополк-Мирский, всячески его успокаивал. После отъезда министра, Николай II занёс в дневник: *«Со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики. Из*

окрестностей вызваны войска для усиления гарнизона. Рабочие до сих пор вели себя спокойно. Количество их определяется в 120.000 чел. Во главе рабочего союза какой-то священник-социалист Гапон. Мирский приезжал вечером для доклада о принятых мерах». Как видим, в царском дневнике нет ни слова о готовящемся шествии, о петиции, её содержании, революционных боевиках, строящихся баррикадах, всего того, что знал и что обязан был доложить, но не доложил, Святополк-Мирский. Если бы Государь знал о готовящемся шествии, он смог бы его предотвратить. Но, пребывая в заблуждении, Николай II был обречен стать главной мишенью для обвинений со стороны революционеров, общества и обманутого, так же, как и он, простого народа. В результате 9 января 1905 г. в Петербурге произошли массовые столкновения рабочих и войсковых частей. Как видно из рапорта Начальника Нарвско-Коломенского района командира II-й бригады 1-й Гвардейской пехотной дивизии генерал-майора К.А. Рудановского начальнику дивизии генерал-лейтенанту А.Е. Зальца первые выстрелы были сделаны не войсками, а по войскам, причем, стреляли из толпы. Первыми жертвами 9 января стали не рабочие, а чины полиции и армии. Но даже после вооруженного нападения, войска не открыли огонь. После того, как эскадрон, встретив вооружённое сопротивление, отошёл, командующий двумя ротами 93-го пехотного Иркутского полка капитан А.Л. фон Гейне подал сигнал стрелять, который он повторял трижды. Не обращая на это внимания, толпа двинулась на войска и оказалась от них в расстоянии 200 шагов. Только после этого по толпе было дано пять оружейных залпов, в результате которых было убито и ранено более 40 человек. Толпа немедленно рассеялась. Раненым была немедленно оказана медицинская помощь, и они были отправлены в больницы.

Огонь по войскам был открыт и в другой части Петербурга, на Васильевском острове. Там, отряд полковника Лейб-гвардии Финляндского полка А.А. Скопинского-Штрик натолкнулся в самом конце Среднего проспекта на 10 баррикад, главная из которых была *«высотой около 1 ½*

сажени» и посередине неё развевался красный флаг. В 150 м от этой баррикады были устроены проволочные заграждения. Вокруг скопилась агрессивная толпа. Подойдя к баррикаде на расстояние 75 м, Скопинский, обращаясь к толпе, приказал разойтись, предупредив, что в противном случае, он будет вынужден открыть огонь. В ответ слышалась нецензурная брань и призывы к солдатам перейти на сторону восставших. Скопинский дал команду солдатам готовиться к стрельбе, после чего многие с баррикады сбежали, но большинство осталось: из толпы по солдатам раздался револьверный огонь, в ответ на который отряд отвечал оружейными залпами. Командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор П.М. Самгин докладывал, что в ходе разгона толпы на Васильевском острове и разбора там баррикад *«войсками было задержано за вооруженное сопротивление 163 человека»*. Следует отметить, что войска всюду пытались предотвратить кровопролитие, действовать уговорами. Там, где не было революционных подстрекателей, всегда удавалось избежать жертв. Так, в районе Александроневской лавры, Рождественской и Московской частей никаких столкновений не было.

По данным Департамента полиции 9 января 1905 г. было убито 96 человек (в том числе 1 полицейский) и до 333 чел. ранено, включая помощника пристава. Большевик В. И. Невский (Кривобоков), которого в симпатиях к монархии не заподозришь, писал, что убитых было не более 150-200 человек. Однако с первого же дня после трагедии либерально-революционная, а затем и большевистская пропаганда, включая её т.н. «историографию», лгали о «тысячах убитых». События 9 января 1905 г., конечно, были трагедией всероссийского масштаба. Их тайные высокие покровители, организаторы, провокаторы и исполнители полностью достигли своих целей. Цели покровителей наиболее точно выразила княгиня Святополк-Мирская: *«Брешь пробита, и Государь, при всём нежелании изменить существующей строй, или если не он, то его заместитель должны будут это сделать»*.

Государь узнал полную информацию о том, что произошло в Петербурге 9 января в 22 час. 20 мин. от приехавшего с докладом Святополк-Мирского. Николай II был потрясен, и в его дневнике в тот день появилась запись: *«Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных районах города, было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»*. Император и Императрица назначили из собственных средств 50 тыс. руб. для оказания помощи членам семей *«убитых и раненых во время беспорядков 9-го сего января в С.-Петербурге»*. Эта сумма выплачивалась вплоть до Февральского переворота 1917 г.

В секретных сводках Департамента полиции сообщалось: *«Озлобление во всех слоях общества страшное: им пользуются революционеры всех оттенков и склоняют народ вооружаться»*. Полным ходом шли грабежи оружейных магазинов, была разгромлена оружейная мастерская «Шаф-Сыновья». В Кирпичном переулке толпа напала на городских, на Морской улице избит генерал-майор Ф.М. Эльрих, на Гороховой избит капитан, на Невском проспекте толпа избивала мальчишку-юнкера, проезжавшего на санях. На Васильевском острове продолжали строить баррикады.

Николай II понимал, что его министры не только не справились со своей задачей, но и вводили его в заблуждение. Повсюду таилась измена и малодушие, почти в каждом нельзя было быть уверенным полностью. Сразу же после событий 9 января начались отставки тех, кто, по мнению Николая II нес ответственность за кровавые события. Первым 14 января лишился своего поста министр юстиции Н.В. Муравьев. Министр внутренних дел князь П.Д. Святополк-Мирский попросил у Государя отправить его в отставку на следующий день после трагедии. Однако Николай II сделал это только через 8 дней, с формулировкой *«по расстроенному здоровью»*. При этом Николай II дал ясно понять Мирскому, что считает его виновным в том, что произошло и не доверяет ему. Князь был просто выгнан со службы, без

традиционного благодарственного именного рескрипта, награждения орденом и нового назначения. Ещё один ответственный за бездействие полиции, её начальник А.А. Лопухин будет оправлен в отставку 4 марта 1905 г.

11 января вышел Высочайший Указ, в котором объявлялось об учреждении должности С.-Петербургского Генерал-губернатора. Ему подчинялись все местные гражданские управления, жандармские и полицейские власти, все казенные фабрики и заводы. 10 января Николай II в дневнике так и обозначил задачу генерал-губернатора: *«объединить действия по прекращению беспорядков в Петербурге»*. На должность генерал-губернатора Государь назначил Свиты генерал-майора Д.Ф. Трепова.

Сразу после событий 9 января начались крупные беспорядки в других городах. Министр земледелия А.С. Ермолов сообщал: *«Волнения перекинулись в большую часть городов, везде их приходится усмирять вооруженной силой»*. 11 января в Риге социал-демократы и Бунд организовали всеобщую забастовку и многотысячную демонстрацию, в процессе которой произошли столкновения с войсками и полицией. Лишь применение огня унтер-офицерским батальоном спасло положение. Пламя мятежа охватило Курляндию, Эстляндию и Лифляндию. Беспорядки прокатились в Тифлисе, Батуме, Сухуме, Баку и Кутаисе. Так же, как и в Тифлисе, целью беспорядков было прервать железнодорожное сообщение, что не могло не сказаться на движении войск и подвозе военных грузов.

3 февраля по повелению Императора Николая II был созван Совет министров. Главный вопрос заседания заключался в обсуждении преодоления смуты и созыва местных выборных представителей. Результатом совещания стало решение о Высочайшем рескрипте на имя министра внутренних дел о подготовке совещания по вопросу выборных лиц по обсуждению вопросов законодательства. Однако подготовка этого рескрипта была прервана убийством в Москве 4 февраля 1906 г. эсеровским боевиком И. Каляевым Великого князя Сергея Александровича.

Со стороны эсеров убийство Сергея Александровича не было только очередным терактом. Великий князь пользовался большим авторитетом среди рабочих, городской бедноты и солдат московского гарнизона. Особенно горячо Великий князь *«принимал к сердцу умственные и нравственные интересы рабочих»*. Сергей Александрович поддержал предложение начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова о том, что полиция должна выступать посредником между рабочими и их работодателями. Так, в течение 48 часов по полицейскому предписанию выдворили из России крупного московского фабриканта гражданина Франции Ю.П. Гужона, принципиально не желавшего удовлетворять справедливые требования своих рабочих. Такая позиция московского градоначальника вызывала резкую неприязнь, как со стороны фабрикантов, так и со стороны революционеров. По сути, Великий Князь оказался опасным «конкурентом» революционеров. Кроме того, Сергей Александрович вызывал резкое недовольство со стороны части московского купечества. Оно было вызвано установкой Великого Князя на усиление роли государства как арбитра в сфере социальных отношений, при особом отстаивании интересов промышленников и, в большей степени, рабочих. К тому же, Сергей Александрович, будучи человеком безусловно преданным Государю, стремился превратить Москву в оплот монархии.

На фоне все разрастающейся смуты заметно усилилось давление на Государя высшего чиновничьего аппарата с настойчивой просьбой объявить о создании выборного органа. По утверждению видного правого общественного деятеля В.А. Грингмута *«министры грозили революцией, финансами (Коковцов) и иностранными осложнениями»*. Между тем, Государь был уверен, что желание «конституционных» экспериментов исходит исключительно от верхушки общества, полностью оторванной от народа. Царь приходил к выводу, что эта верхушка не очень-то стремится и к усмирению смуты, так как она приближает столь им желанный конституционный строй.

Революция 1905 г. продемонстрировала, что среди правящей элиты были сторонники революции. Кроме того, многие представители правящих кругов настолько испугались размаха революции, что не спешили организовывать её подавление. Император Николай II оказался перед фактом прямого саботажа со стороны высших государственных чиновников. Успехи революционеров почти всегда были обусловлены нерешительностью или попустительством местных властей. Зачастую их представители больше боялись прослыть «душителями свободы», чем защитниками монархии. В целом ряде губерний местная власть почти без боя сдавалась горсткам бунтовщиков, заигрывала с ними, а порой сама была связана с революционным движением.

Первой жертвой революционеров стали полицейские. Их убивали на улицах, дома, на службе. В них стреляли, закалывали кинжалами, обливали серной кислотой, взрывали бомбами. Двинского полицмейстера И.В. Васютовича убили выстрелом в затылок; красноярского полицмейстера О.Ю. Дитмара убили на глазах у жены и дочери; городского Яковлева убил бундовец А. Гиршев во время конвоирования арестованных; пешего урядника Козелецкого уезда И.М. Носача убили на ярмарке на глазах у жены и двухлетней дочери тремя выстрелами в спину, когда он собирался купить дочке куклу.

В конце 1905 г. угрожающе осложнилась обстановка в Москве. Витте докладывал Царю: *«Агитация, предпринятая революционерами в Петербурге, не увенчалась успехом. Совершенно в иных условиях оказался город Москва, где агитация, предпринятая революционерами, нашла широкую поддержку среди рабочих и вылилась в форме открытого восстания»*. Пользуясь безнаказанностью, революционеры принялись формировать «боевые дружины», которые были хорошо вооружены иностранными револьверами, винтовками и бомбами.

Император Николай II назначил генерал-губернатором Москвы адмирала Ф.В. Дубасова, который 6 декабря объявил город на Положении чрезвычайной охраны. В ночь на 9 декабря 1905 г. в московском саду

«Аквариум» собрался огромный митинг, на котором присутствовало 10 тыс. человек. В выступлениях ораторов слышались призывы к захвату власти и аресту губернатора.

9 декабря исполком рабочих депутатов принял решение о всеобщем восстании, которое началось в 18 час. Была отключена электроэнергия, город погрузился в темноту. По улицам передвигались вооруженные дружинники, убивая солдат и офицеров, выгоняя из домов людей и заставляя их возводить баррикады. Начались грабежи магазинов, убийство лавочников и простых обывателей. В результате уголовного террора, на глазах малолетних детей, боевиками был схвачен у себя дома и расстрелян в подъезде начальник сыскальной полиции А.И. Войлошников. Боевики планировали захватить Николаевский вокзал и прервать сообщение Москвы с Санкт-Петербургом. В связи с этим 9-10 декабря по всему городу начались бои с применением артиллерийского и ружейного огня.

В организации восстания были замешаны богатые предприниматели из среды раскольников-беспоповцев Н.П. Шмидт и С.Т. Морозов. Либеральные круги через газету «Русские ведомости» передавали значительные пожертвования «борцам за свободу». К 12 декабря большая часть города, все вокзалы, кроме Николаевского, в котором располагались войска, были в руках мятежников. Правительственные войска удерживали лишь центр города. Наиболее упорные бои велись в Замоскворечье, Рогожско-Симоновском районе и на Пресне, которая стала опорным пунктом революционеров. Весь город покрылся сетью баррикад. Пользуясь поддержкой служащих, мятежники захватили железнодорожные станции по линии Люберцы-Перово Московско-Казанской железной дороги, которая стала базой, питающей бунтовщиков оружием и людьми. Сводный воинский отряд под командованием генерал-майора С.Е. Дебеша, находившийся в распоряжении Дубасова, не смог овладеть положением. Дубасов был вынужден сообщить Государю, что сил для подавления мятежа не хватает.

14 декабря Николай II приказал командиру Лейб-гвардии Семёновского полка полковнику Г.А. Мину возглавить сводный отряд и двинуться с ним в Москву для подавления восстания. Государь отдал приказ войскам действовать жёстко и решительно, отвечая на выстрелы мятежников *«выстрелами же и сокрушать малейшее поползновение вооруженного восстания»*. Вторая часть отряда Семёновского полка под командованием полковника Н.К. Римана должна была очистить от боевиков железнодорожный путь от Перово до Люберец и восстановить по нему прохождение составов. 15 декабря Николай II писал адмиралу Ф.В. Дубасову: *«Надеюсь, что Семёновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию вместе со славными Гренадерскими полками»*.

15 декабря отряд полковника Г.А. Мина прибыл в Москву. Он быстро подавил в Москве очаги сопротивления, разбирая баррикады, арестовывая и расстреливая на месте зачинщиков и бунтовщиков. В результате решительных и успешных действий Семеновского полка, весь Пресненский район Москвы был очищен от мятежников, все пункты их сосредоточения и баррикады уничтожены. При подавлении московского мятежа было убито и ранено 175 военнослужащих сводного отряда, а также жандармов и полицейских.

Высоко оценивая действия Семеновского полка в Москве, Император Николай II писал в телеграмме на имя Ф.В. Дубасова: *«С особым удовольствием выражаю Вам и Вашим подчиненным Мою сердечную благодарность за беззаветно верную службу. Радуюсь, что Мои славные Семёновцы показали себя теперь молодцами. Надеюсь скоро получить от Вас донесение о повсеместном истреблении крамольников. НИКОЛАЙ»*.

Одновременно Государь направил большую денежную помощь москвичам, пострадавшим от мятежа. Николай II телеграфировал Дубасову: *«Сумма в 100 тысяч рублей отпущена в ваше распоряжение для раздачи исключительно местному населению, пострадавшему при подавлении мятежа»*.

В 1906 г. Николай II произвёл Г.А. Мина в генерал-майоры, наградил орденом св. Владимира 3-й ст., назначил своим флигель-адъютантом. 13 августа 1906 г. генерал-майор Г.А. Мин на глазах жены и дочери был убит выстрелами из револьвера на станции Новый Петергоф. Убийцей оказалась член Боевой организации эсеров Зинаида Конопляникова. Л.Г. Прайсман считает: *«Убийство Мина потрясло Николая II как мало какое другое событие в стране»*. Стало очевидно, что гражданское судопроизводство и законы мирного времени не могут сбить волну кровавого террора. 24 августа 1906 г. был опубликован правительственный указ о введении военно-полевых судов, который включал в себя положения, изложенные Императором Николаем II в письме военному министру генералу А.Ф. Редигеру: ускоренный порядок рассмотрения дел, быстрый приговор и его исполнение (как правило, смертная казнь), отсутствие на суде стороны обвинения и защиты. Участь подсудимого решалась тремя офицерами суда. Военно-полевому суду подлежало рассмотрение уголовных дел лиц, как военнослужащих, так и гражданских, уличенных в шпионаже, террористических и диверсионных актах, убийстве должностных лиц, грабежах, разбоях и поджогах. При этом отмечалось, что *«военно-полевому суду передаются дела в тех случаях, когда преступление и виновность обвиняемого вполне очевидны»*. Введя в действие военно-полевые суды, Николай II потребовал их неукоснительного применения.

Тем временем, отряд полковника Н.К. Римана в кратчайший срок, не потеряв ни одного человека, полностью очистил от мятежников стратегически важный участок железнодорожного пути Перово-Люберцы Московско-Казанской железной дороги. К январю 1906 г. мятеж в Москве был подавлен.

В конце 1905 — начале 1906 гг. тревожная ситуация сложилась не только в Москве, но и в районе, непосредственно расположенном недалеко от линии фронта — на Великом Сибирском пути, где созданные революционерами стачечные комитеты полностью контролировали дорогу.

Сибирь фактически оказалась отрезанной от Европейской России. Правительственный телеграф бездействовал, железнодорожный находился в руках стачкомов. На всём протяжении железнодорожного пути образовалось несколько революционных опорных пунктов.

Пользуясь беспомощностью властей, революционерам удалось обмануть общественное мнение и представить ситуацию так, словно власть в России перешла в руки революционного правительства. Главнокомандующий Маньчжурской армией генерал-лейтенант Н.П. Линевиц даже вступил в переговоры с мятежниками по поводу эвакуации запасных и заявил генералу А.Н. Куропаткину, что *«не признаёт нужным бороться против крайних партий»*. Кроме того, возникла ещё одна проблема: возвращающиеся из японского плена солдаты попадали под влияние революционной пропаганды и примыкали к беспорядкам. Чита фактически перешла под контроль мятежников. Дошло до того, что губернатор И.В. Холщевников назвал эсеров «партией порядка». В руках революционеров находились вагоны с 30 тыс. винтовок.

Для наведения порядка на Транссибе Николай II направил двух генералов: генерал-лейтенанта барона А.Н. Меллер-Закомельского и генерал-лейтенанта П.К. фон Ренненкампа. Отряд Меллер-Закомельского выступил из Петербурга в новогоднюю ночь 1906 г. с отрядом Лейб-гвардии Литовского полка численностью в 200 человек при двух орудиях. Ему противостояли многочисленные вооруженные отряды мятежников и толпы митингующих солдат. Несмотря на рассказы большевиков о «чудовищных злодействах карателя Меллер-Закомельского», на расстоянии 5 тыс. верст было расстреляно всего 7 человек, которые оказали вооруженное сопротивление. Эти расстрелы, произведённые без колебаний, возымели большое моральное и устрашающее значение и сохранили жизнь тысячам людей. 3 января отряд Меллер-Закомельского полностью очистил от революционеров и мятежных солдат Красноярск.

20 января 1906 г. Ренненкампф полностью очистил Читу от революционеров, расстреляв их наиболее активных руководителей, включая большевика И. Бабушкина. Со взятием Читы Транссибирская магистраль была свободна.

Усилившаяся после подписания манифеста 17 октября смута, а также растерянность перед нею правительства и лично Витте, заставили Императора Николая II уже в конце 1905 г. задуматься над корректировкой манифеста. В первую очередь Государь был убежден в необходимости довести до народа, что Царское Самодержавие сохранилось и после реформы 17 октября. Ограничение полноты власти Монарха было со стороны Императора Николая II вынужденным шагом, в целесообразность которого он не верил. Беспокойство Николая II по этому поводу усиливалось, помимо собственных убеждений, огромным количеством писем и телеграмм, в которых простые люди выступали против ограничения Самодержавной власти. *«Я получаю много телеграмм отовсюду, — писал Николай II Императрице Марии Феодоровне, — трогательного свойства, с благодарностью за дарованные свободы, но с ясным указанием на то, что желают сохранения Самодержавия. Зачем они молчали раньше — добрые люди?»* Нельзя не согласиться с д-ром ист. наук А.Н. Бохановым, когда он пишет, что *«Николай II понимал то, что иные в расчёт не принимали: реальные условия России, психологию народной среды, уровень политической зрелости основных масс будущих избирателей»*.

Государственная дума второго созыва начала свою работу 20 февраля 1907 г. К тому времени революция была почти преодолена, политика успела порядочно надоесть обывателю. Правительство чётко дало понять, что, если вторая Дума пойдёт по пути первой, то она будет распущена. 6 марта 1907 г. П.А. Столыпин в своём выступлении на заседании Думы развернул обширный план реформ и в тоже время заявил, что Правительство будет беспощадно бороться с любым экстремизмом и не даст вновь погрузить страну в пучину хаоса.

Оценивая эту речь, Николай II писал Марии Феодоровне: *«Ты, конечно, прочитала в газетах о речи Столыпина в Думе и об ответе его на разные дерзости в том же заседании. Все слышавшие, как он говорит остались очень довольны, я очень рад за него, что он имел такой успех. Это подбодрит всех хороших и даст ему самому энергию и уверенность в себе».*

Главными ораторами в Думе стали не представители оппозиции, а председатель Совета министров П.А. Столыпин и министр финансов В. Н. Коковцов. Государь писал Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне: *«Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова. С ними никто в Думе не может сравниться, они говорят так умно и находчиво, а главное одну правду».* Депутаты от левых фракций вели резкую атаку на Правительство, требуя отменить военно-полевые суды. Но и здесь левые получили от Столыпина твёрдый отпор. 13 марта, выступая в Думе, он заявил: *«Россия сумеет отличить кровь, о которой здесь так много говорилось, кровь на руках палачей, от крови на руках добросовестных врачей, которые применяли, быть может, самые чрезвычайные меры, но с одним упованием, с одной надеждой — исцелить труднобольного!».*

10 мая в Думе прозвучали, ставшие историческими, столыпинские слова: *«Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».*

Основным предметом дебатов в Думе весной 1907 г. стал вопрос о принятии чрезвычайных мер против революционеров. Правительство стремилось заставить Думу чётко определиться в своём отношении к террору, встать на сторону Правительства в борьбе с ним. Однако Дума Правительство не поддержала и 17 мая 1907 г. проголосовала против «незаконных действий» полиции, то есть против решительной борьбы с террористами.

16 апреля 1907 г., во время обсуждения вопроса о контингенте новобранцев на следующий год, социал-демократ А.Г. Зурабов в своём выступлении заявил, что *«армия будет великолепно воевать с нами, и вас, господа, разгонять, и будет всегда терпеть поражения на востоке»*. Правые фракции восприняли эти слова как оскорбление. Зурабову было сделано замечание, и он был лишён слова. Однако Столыпин требовал более строго наказания для Зурабова, напомнив Головину, что Государь особенно чувствительно относится ко всему, что касается чести армии. Столыпин также указал, что *«в каждом иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы»*. Кадетское большинство, по существу, поддержало Зурабова, после чего правая пресса начала активную кампанию за роспуск Думы. *«Отовсюду, — писал Государь матери, — мне посылаются телеграммы и адреса с просьбой распустить Думу. Но это ещё рано, нужно дать ей договориться до глупости, или до гадости и тогда — хлопнуть»*.

Такую «глупость» и «гадость» представители второй Думы совершили весной 1907 г. 31 марта была арестована группа революционеров в количестве 28 чел., готовивших покушение на Императора Николая II. По оперативным данным с этой группой были связаны представители социал-демократической фракции Государственной думы.

4 мая 1907 г. на квартире рижского депутата, социал-демократа И.П. Озола полицией была застигнута сходка социал-демократов и солдат петербургского гарнизона. Были обнаружены доказательства того, что Озол является членом военно-революционного комитета, готовившего мятежи в войсках. На совещании у Озола присутствовало несколько членов Государственной думы от социал-демократической фракции, тоже, как позже выяснило следствие, бывших членами военно-революционного комитета.

1 июня 1907 г. Столыпин потребовал от Думы лишения депутатской неприкосновенности депутатов, которых следствие собиралось привлечь в качестве обвиняемых в подготовке *«ниспровержения государственного*

строю». В случае отказа, заявил Столыпин, правительство будет поставлено «в невозможность дальнейшего обеспечения спокойствия и порядка в государстве». Дума отказалась выполнять требование Правительства.

2 июня Столыпин получил недвусмысленный приказ Государя: «Дума должна быть завтра в воскресенье утром распущена. Решимость и твёрдость, вот, что нужно показать России». 3 июня 1907 г. вышел Высочайший Манифест о роспуске Государственной думы. Государь признавал также невозможность более избрание Государственной думы по прежнему закону. «Оставляя в силе все дарованные подданным Нашим Манифестом 17 октября 1905 года и Основными законами права, восприяли Мы решение изменить лишь самый способ призыва выборных от народа в Государственную Думу, дабы каждая часть народа имела в ней своих избранных».

Введение Николаем II нового избирательного закона от 3 июня 1907 г., советская, а вслед за ней и современная российская историография, определяет, как «третьеиюньский государственный переворот», а последующий за ним период истории императорской России вплоть до Февральской революции — «режимом третьеиюньской монархии». Как и многие положения советской историографии, это определение лукаво и неверно. Советская историография, определяя роспуск второй Думы государственным переворотом, объясняла это тем, что согласно Манифесту от 20 февраля 1906 г. Император имел право вводить или менять законы в обход Думы, только в перерывах между её сессиями. Отсюда, делали вывод советские историки, в России было восстановлено Самодержавие в полном объёме. Однако при этом забывалось, что Император Николай II всегда оставался Самодержавным Царём. Сама Государственная дума и законы, по которым она действовала, были введены его самодержавной волей, и эта воля, безусловно, могла менять и устанавливать другие законы. Новый закон о выборах был необходим для окончательного подавления революции в России, установления в ней мира и спокойствия. Государь принял решение

об изменении законодательства в условиях, когда большая часть второй Думы была настроена не на позитивную созидательную работу на благо России, а на продолжение революции. В этих условиях её деятельность по старым правилам, дающим революционерам возможность продолжать осуществлять свою подрывную деятельность, прикрываясь депутатскими мандатами и неприкосновенностью, была невозможна.

Манифест от 3 июня 1907 г. окончательно определил новый русский государственный строй, чётко закрепил право Государя на роспуск Думы и права утверждать и отменять законы Российской империи, в том случае, если спасение государства не может быть достигнуто на обычном законодательном пути. Манифест провозглашал, что историческая власть Царя остается основой русского государства.

Согласно Указу Государя, новые выборы в Думу должны были быть проведены 1 сентября 1907 г., а созыв новой Думы был назначен на 1 ноября того же года. Как писал С. С. Ольденбург: *«Государь как был, так и остался Верховным Вождём страны. Он вывел её из войны и смуты, и манифестом 3 июня Он довел до конца «великое дело преобразования»: в России утвердился новый строй — Думская монархия».*

В неимоверно тяжелых условиях Императору Николаю II и верным ему государственным чиновникам и военным, а также большей части простого народа, удалось победить «красную революцию». Новая, третья Государственная дума, выбранная по новым законам, стала первой работоспособной. Благодаря жестким репрессиям в отношении террористов и мятежников, удалось сбить пламя революционного пожара.

Статья подготовлена для сборника «Защитники русской государственности в портретах и событиях», изданной НБФ «Наследие» в рамках проекта «Анатомия российской смуты. История и современность» на средства гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.